

Страницы из новой книги

ВИТЕБСКИЙ ВОКЗАЛ

ИЛИ ПРОГУЛКА ЧЕРЕЗ ГОДЫ

МАЙСКИЙ СНЕГ

Этот эпизод стал через много лет сюжетом для рассказа.

А тогда, 21 марта 1903 года, на сцене витебского городского театра шел спектакль "На дне". Словно наэлектризованная пламенными словами пролетарского писателя о гордости и достоинстве человека, публика горячо принимала горьковскую пьесу. Особенно шумно реагировала галерея. И вот вдруг оттуда посыпались в партер листовки. Их было много, будто последний заповедный снегопад, воровался прямо в зал. Падали они на головы мешаю-обивателей, подхватывались революционно настроенной молодежью.

На листовках были четкие и конкретные лозунги: "Долой самодержавие!", "Да здравствует поднадзорный Максим Горький!", "Да здравствует политическая свобода!"

То ли сам он был свидетелем (а написал как свидетель), то ли услышал от знакомых-очевидцев - но в основу своего рассказа "Майский снег" положил именно этот эпизод старый писатель Цодик Львович Долгопольский. Только перенес его из мартовского дня, верней, вечера, в майский.

"Накануне было куплено несколько десятков билетов на галерею. Мы раздали их надежным товарищам, которые будут оберегать нас от сторожкого глаза шпиков. По сигналу Широпапа мы разведем по партеру несколько сот первомайских листовок. Это, конечно, не для агитации, агитировать тут бесполезно. Нарушить покой чиновного мира, поколебать уверенность куцца и фабриканта - вот наша задача. Мы знаем, что этот вызов не пройдет безнаказанно, без жертв. В театре будет вся знать города, немало шпиков и передетых жандармов. Полицейские с полицмейстером во главе..."

Иду в театр. Иду во второй раз. Руки нащупывают в кармане пачку сложенных листовок. Кто их печатал? Не тот ли наборщик, о котором написал у Некрасова?

У Коворева на крутом столике, под иконами покойной бабки, я нашел том Некрасова. Он сразу привлекал мое внимание. Некрасов - наш. Он крепко бьет царских чиновников.

Однажды витебский губернатор Гершун-Флотов получил по почте каллиграфически переписанную "Кольбельную песню" Некрасова. "Вместо новгородного поздравления я посылаю вам, ваше превосходительство, сию "Кольбельную песню" - писал анонимный корреспондент. - "Песня" принадлежит перу автора "Кому на Руси жить хорошо". Прочитайте мое послание внимательно и сделайте из него соответствующие выводы..."

С замيرانем сердца я следил за падающими бумажками...

Цодик Долгопольский.

Старого писателя я застал еще в Витебске.

Несмотря на почтенный возраст, он ходил довольно бодро по городу. Останавливался на углу улиц Ленина и Толстого, присаживался на скамейку в скверике, где красовалась безвкусно выполненная фигура молодой женщины с мальчиком, который держал в руке голубя.

Возле скамеек бегали дети. Сидели пожилые и молодые горожане. И первые тогда на дорожках голуби еще пользовались симпатией и вниманием. Их подкармливали, рассыпая крошки. Делал это и Долгопольский. Он читал газеты или вел долгие разговоры с постоянным своим спутником - библиотечарем Марком Ефимовичем Бруканом. Кажется, он-то и познакомил меня с писателем.

Плелась визию Витбы. Щebetали птицы и дети. Почти рядом проносились, сигналы, машины. Звенели трамваи. А мы были заняты своим разговором.

Тогда, в 1956-59 годах, они чаще всего были, как и теперь, о самом обыденном: обо всем мире и о нас в нем. Цодик Львович интересовался моими стихами, но больше расспрашивал о работе в сельской Кривновской школе, об учителях, просил, чтобы я давал им краткие, но выразительные характеристики.

Я рассказывал, пересыпая подробностями, деталями, довольный, что меня слушает старый писатель, книги которого выходили на еврейском, русском и белорусском языках.

Хорошо помню одно из таких наших сидений в скверике. Видно, это было еще в начале знакомства, потому что больше запомнилось.

Кончался май. Наверно, мой очередной приезд в город попал на день между экзаменами в школе, когда я мог сравнительно свободно вырваться на поляны и на вечер, сесть в пригородный или пассажирский поезд и через минут сорок оказаться на своем любимом витебском вокзале, пообедать - и вот я здесь со своими старшими товарищами обсуждаю "мировые проблемы" ... Цвели в центре города деревья. По-моему, тогда в сквере росли яблони. Кружили и осыпались, падая прямо к ногам, лепестки.

- Вы только посмотрите! - восторгался Цодик Львович. - Опять в городе майский снег!...

Он жил на Сенной площади, недалеко от того места, где теперь раскинулась одна из самых крупных, если не крупнейшая в стране - площадь Победы. И обычно, встречая его в центре у сквера, я шел рядом туда, провозаго до самого дома.

Несколько раз он приглашал зайти, но я стеснялся, смущался, предлагал отложить до следующего раза. Однажды этот "следующий раз" наступил. Узнав о том, что мне нужна квартира в городе (я все еще работал в Кривнах, но готов был ехать туда и обратно), Долгопольский предложил свою комнату, объяснил, что все равно уезжает надоко к дочери в Ленинград. Я, конечно, тут же стал отказываться, словно испугавшись, что буду жить в квартире писателя, но зайти к нему все-таки согласился.

Меня удивило простое убранство, вся нехитрая обстановка этой маленькой комнаты. А писатель был искренне рад гостю, показывал свои и чужие книги, прочел даже два или три отрывка из своих рассказов на еврейском языке. И тут уже он удивился, что я все понимаю. Потом рассказал, что в Минске в Белогосаде выходит его большой одиотмник на русском языке "Пять лепестков". Спросил, не хочу ли написать рецензию. Выяснилось, что книгу редактировал мой друг Ванкарем Никифорович, и я ответил, что с удовольствием готов написать, хотя опыта у меня, к

сожалению, нет.

Он улыбнулся, заметил, что чем меньше опыта, тем будет лучше рецензия и вдруг прочел мне строки знаменитой старой анграммы.

Теперь, по прошествии лет, я и сам улыбаюсь, вспоминая те минуты, но тогда мне, ей-богу, было не до шуток, которыми он добрал наш довольно серьезный разговор, прочтя "Дружеский совет" Василия Курочкина.

Сейчас проверил по томику поэта и снова удивился, как все было предусмотрено подзаголовком "Посвящается рецензенту, который примет эту книгу на свой счет". Вот я и признаю...

Друг мой, вот тебе совет:
Если хочешь жить на свете
Сколько возможно больше лет
В мире, здравье и совете, -
Свежим воздухом дыши,
Без особых претензий;
Если глуп - так не пиши,
А особенно - рецензий.

И, приняв это именно на свой счет, я тут же обиделся. А обиделшись, уже без особого энтузиазма выслушал предложение: со следующей недели, когда он уедет, посещать здесь.

Во мне уже, как часто и тогда и позже бывало, созрело скоропалительное решение: никаких милостей не принимать и, стало быть, не переселяться. Вряд ли писатель заметит изменение в настроении своего гостя. Тем более, что, уходя и прощаясь, я сказал, что подумую.

Но уже на площади повял, что решение принято и думать больше не о чем.

Потом побегали дни. Долгопольский уехал в Ленинград. А Брукаш при встрече удивленно спросил, почему я не переселился, ключ меня ждет. Но я уже нашел комнатку возле Смоленского рынка на одной из Краснобригадных. И, хотя обиды быстро утасла, все еще помнил те, как мне казалось, неприятные минуты...

Когда книга "Пять апостетков" вышла, я тут же прочел ее, в тот же вечер написал рецензию и отнес в "Витебский рабочий". Потом уехал на Польше. А когда через месяц вернулся, рецензия уже была напечатана.

Но Цодик Альвонич ее не увидел. Он умер в Ленинграде 16 июля 1939 года. Меньше месяца оставалось ему до 80-летия, которое, наверное, было бы - пусть и негермоко - отмечено в Минске, Витебске и Городке, где он родился в семье меламеда.

Моя рецензия о его книге называлась "Пульс жизни".

Заканчивалась она словами одного из героев: "Ну, а если мои записки прочтут лет через тридцать-сорок?.." И после них я говорю:

"Это написано в 1933 году. Прошло с того времени около тридцати лет. И мы, с интересом перечитывая одноклассника Цодика Долгопольского, чувствуем, как на многих его страницах бьется пульс современности, пульс нашей жизни". Жизнь писателя была тесно связана с родным краем, с городом на Двине. Он работал на швейной фабрике, заведовал детским домом, наставничал, был инструктором отдела национальных меньшинств по Витебской и Могилевской области, литработником редакции еврейской газеты "Октябрь" в Минске, в 1937 году был репрессирован и шесть лет отбывал свой срок в Казахстане...

Цодик Альвонич написал десятки книг, в которых рассказывал о Витебске, его истории, его людях разных национальностей, и еврей, и белорусках...

Пора выбрать все лучшее из литературного наследия Цодика Альвонича Долгопольского и показать новому поколению читателей.

Как по-разному складываются судьбы людей!

Еврейский писатель, он писал на идиш. А печатался на русском и белорусском языках. Может быть, таким трехязычным он и войдет в историю литературы. А на идиш (в оригинале) кто уже и когда прочтет Цодика Долгопольского, одного из последних

рыцарей еврейской идишской литературы?

"Я поэт! Я ваш навеки!.."

Из автобуса он вышел последним, хотя много раз ему кричали:

- Миша! Где ты?...

- Михаил Арабадевич! Да чего Вы всех пропускаете?

А когда, наконец, появился, в самом деле, как-то посетовало.

До того небо было покрыто тучами, и мы, все, кто ожидал на границе Минской и Витебской областей, боялись, что вот-вот полетит дождь. И он уже накрапывал. А тут вдруг небо стало светлей, выглянуло солнце, и августовский день заиграл всеми летними красками.

Помню, был митинг. Произносили речи. Но я смотрел только на Светлова.

Он улыбался, что-то говорил, и оттого рядом стоящие начинали смеяться, прикрыв ладонями рты, и было видно, что от хохота их удерживает лишь серьезность положения.

В те минуты я не слышал еще ни одного слова поэта, потому что говорил он негермоко и его постоянно окружали плотным кольцом, через которое невозможно было пробиться.

По всей дороге до Витебска продолжалось одно и то же: на каждой встрече он отходил в сторону, и все же становился центром внимания, хотя ни одной официальной речи не произнес.

На городской черте его и вовсе засыпали цветами. И можно с уверенностью на все сто процентов сказать, что никем это не было предусмотрено и подготовлено.

Всужу через годы, словно это было вчера, все детали того вечера. И большой транспарант - приветствие над улицей. И пионеры с цветами у Дворца культуры. И Светлова с букетом, который он держит у самого лица, так что прячется нос и лишь поблескивают среди апестетков зияющие глаза...

Он поднялся на трибуну, посмотрел в зал и, доверительно картавя, пообещал прочесть очень старые стихи. И начал с "Грехов". А потом долго его не отпускали, и он - уже на "бис" - прочел так, словно обращался ко всем и к одной единственной знакомой в этом зале:

Все ювелирные магазины -
Они твои,
Все дни рождения, все именины -
Они твои...

Вечер еще продолжался во Дворце, а я вел на телестудию группу его участников. Возбужденные, шутя и перговариваясь, совершали этот небольшой переход Николай Рыленков, Сергей Сартаков, Яков Хелемский, Павел Кустов, Максим Лужанин.

Шел я рядом с Михаилом Арабадевичем. Разговор был о Витебске, его истории, о Двине и ратуне. Обо всем этом спрашивал он, а я отвечал.

Заговорил Светлов и о Марке Шагале. Поинтересовался, есть ли картины художника в местном музее, хотя бы в запасниках. Удивился, что ничего нет.

Было уже позднее по тем дням телевизионное время. Точно не помню (а передача была инеопрограммой - проверить негде), во всяком случае, началась она после 22 часов.

Расселись в студии. Светлов - с краю, от другого места отрез отказался. И, договорившись только о порядке, кто за кем, начал передачу.

Не знаю, как реагировали телезрители на то, что вдруг превратился чуть ли не на полуслове художественный фильм по трансляции из Москвы, но на выступление гостей-писателей тут же откликнулись телефонными звонками многие.

Мы сидели в студии. Включались юпитеры, заглянули глазки телекамер, и я - ведущий передачи - сказал, что широкое и гостеприимные дороги Беларуси привели в наш город участников Декады русской литературы.

Еще только началось выступление, а Светлов уже пустил

среди цветов записку с предложением читать только по одному стихотворению: "Жарко...Читаем по...одной...потом добавим..."

Записка передавалась быстро, и всем были ясны и предложение читать недолго, и намеки на то, что ожидается потом...

А когда я представил слово Михаилу Аркадьевичу, он сказал (этот текст я наизусть перепечатал с магнитофонной пленки):

- Привет вам, витебляне! Его шлют московские поэты, которые присутствуют на сегодняшнем вечере, и те, которых здесь нет.

Дорогие друзья! Я не буду произносить речей и вообще не буду говорить прозой ничего, кроме одной фразы (но она уже почти стихотворная): вы очень дороги мне, витебские друзья.

Разрешите прочесть вам "Тренду"...

А потом мы снова шли по вечернему Витебску. И я подумал, что надо обязательно сохранить записку Светлова.

Но утром ее уже не было. Записка исчезла вместе с увядшими за ночь цветами, которые накануне так пышно заполняли студийные столы.

До сих пор, когда вспоминаю этот вечер, становится грустно, что у меня нет этого единственного маленького сувенира, согоревшего неповторимой светловской улыбкой.

Но остался от того дня - 14 августа 1961 года - фотограф. И этого не так уж мало.

Сделан снимок телеоператором в конце передачи, когда отговорились, слегка усталые, и разоморились от яркого света, от студийного телья.

И все же на лицах - улыбки.

Лишь Светлов грустным сидит сбоку.

Фотографии уже сорок лет, и многое за это время стерлось в памяти. Но стоит мне взглянуть на дорогие мне лица и, кажется, снова слышу голоса.

- Добрый день, дорогие витебские друзья! Я очень рад сегодняшней встрече с вами, - открывает телеечер Сергей Сартаков. - Я недавно закончил роман, посвященный цесвиновичам. Этот роман, конечно, я не могу, как вы сами понимаете, сейчас даже кратко пересказать. Я просто прочту вам небольшой отрывок...

- Приветствую вас от имени писателей, живущих и работающих в славном городе Ленина над Невой, - говорит Павел Кустов. - Я познакомлю вас со стихами из сборника "За Шекснинской-рекой". Это строки, посвященные северу нашей Родины, его суровой природе и мужественным людям, которые живут среди этой природы...

- Я почти ваш земляк. И приветствую вас от писателей старинного моего Смоленска, - обращается задумчиво, по-соседски к зрителям Николай Рыленков. - Я хочу прочесть стихи о днях Великой Отечественной войны, о героизме советских людей...

- Я, дорогие друзья, считаю себя вообще наполовину белорусом, потому что добрую половину моего творческого времени занимают переводы с белорусского языка, - признается Яков Хелемский, - мне белорусская земля особенно дорога: здесь, в этих краях, я воевал в суровые годы испытаний, здесь я познакомился с поэтами, которые позднее стали моими близкими друзьями. Здесь погибли мои товарищи - чудесные люди, храбрые воины...

- Цветы, которые лежат на столе, - только маленькая частичка того большого тепла, внимания и заботы, которыми окружали на белорусской земле, на земле Витебщины наших дорогих гостей - русских писателей, - говорит в конце встречи Максим Лужанин.

Маршруты праздника русской литературы, маршруты братства пролегли тогда через многие города и веси.

После одного из выступлений в Полоцке к Светлову подошел летчик и попросил подписать книгу. Но ему очень хотелось и он сказал об этом, чтобы в надписи было слово Полоцк.

Михаил Аркадьевич сперва отшучивался, отмахивался, но, уступая настойчивости военного человека, пообещал все сделать.

Время шло, а он как будто о слове своем забывал. Летчик несколько раз подходил, молчаливо напоминал о себе. Светлов

все улыбался.

Наконец Михаил Аркадьевич взял книгу, что-то вывел на ней и вернул читателю. Кажется, оба они были довольны.

Кто-то вышел вслед за летчиком, прочел автограф, и через несколько минут все сидевшие за столом уже его знали.

Вот что написал на своей книге Светлов:

Обещал и напишу -
Кляну не нарушу -
Коньяком лишь опрошу
Полоцкую душу...

Смотрю на фотографию - и снова слышу неповторимый светловский голос.

После Витебска, Полоцка и других мест был вечер в маленьком глубинном городке Глубоком.

Может быть, никто об этом бы и не вспоминал, если бы не один памятный эпизод, связанный с Михаилом Аркадьевичем.

Там, обещав написать и прочесть стихи, если вызовут его, как в юности: "Мишка, давай!" - Светлов куда-то скрывается за кулисы, а потом под дружные крики зала, вызывающие поэта, выходит, слегка смущенный, и читает с тетрадного листка, словно объяснение в любви, только что рожденные строки:

Я в Глубоком сроду не был,
Этим шляхом не шгал.
Белорусским этим небом
Я впервые задыхал.

Я клянусь при этих звездах
Вам в кругу моих родных -
Будет в легких битых воздушх
Комсомальских лет моих.

Я себя в
пути
далеком
Буду
чувствовать
легко,
На любой
горе высоко
И в
Глубоком
глубоко.

Михаил Светлов.

Что я вижу
в человеке?
Он мне
близок, он
родня.
Я поэт! Я
ваш
навеки!
Обнимите
же меня.

Кажется, в самом деле весь зал бросился его обнимать...

Он оставил в Глубоком, на земле Витебщины, эти строки и увез братские благодарные объятия многих людей, которые помогли ему, может быть, до этого вечера не открыв ни одной книги поэта.

Уже после его смерти я посвятил Михаилу Аркадьевичу и тем дням строфы, которые недавно нашел в старой записной книжке:

Кто поверит, что умер Светлора
жить Позани верному витязю...
Вот под крышею облаков
он гуляет по древнему Витебску.

Словно памяти луч наведу
на придвинутую тихую улицу -
не привыкший стоять на виду,
он от яркого света сожгется.

И, ссутулившись, скажет: "Старик,
убери свои чудо - юпитеры,
Не идет мне велмича парик,
и меня никогда в нем не видели..."

Не люблю я возвышенных слов,
но Двине и городу рад уже -
дай послушаем бой часов
на старинной витебской ратуше...

"С высоты Успенской горки..."

Летом 1974 года я встретил Марка Фрадкина на Рижском взморье в Дубулах. Он рассказал, что уже написал к юбилею Витебска песню на стихи Евгения Долматовского: " Кажется, мне удалось передать ему любовь к древнему городу, и песня получилась..." И он полурончал - полупропел, так что я почувствовал мелодию :

Ту столицу областную
Я зову своим началом,
И ее всегда ревную
К городам большим и малым.
Где бы ни был - всюду гордо
Говорю, что я отсюда.
С высоты Успенской горки
Мир открылся мне как чудо.

Когда праздновалось 1000-летие, Фрадкин привез в подарок родному городу эту новую песню - "Столица областная". Как будто ничего в ней о Витебске не было - и все же это была песня именно о Витебске, о Двине, о тех, чьи дороги начинались здесь и кто никогда об этом не забудет.

Как спел он песню на торжестве! Как повторил еще раз на "бис" залу, который не хотел его отпустить, хотя многие, может, и не сразу поняли, какая хорошая песня родилась о Витебске. Он шел на сцену, как всегда артистично, даже чуть-чуть позиря, сел за рояль - и зал сразу был покорен его талантом, его обаянием - нет, не просто человеческим: тут он временами бывал и зол, и ироничен одновременно, а покорен обаянием музыканта, композитора, за плечами которого не просто годы напряженной работы - он автор прекрасных песен, мы знаем их, поем столько лет, еще с войны: "Моя любимая", "Случайный вальс", "Дорога на Берлин", а потом: "Березы", "Течет Волага", "За фабричной заставой", "А годы летят".

...Когда-то, в конце пятидесятых (я тогда учитывался в Кривых), он тоже приехал в Витебск. И городская комсомолька, которая мечтала получить, пользуясь таким знакомством, свою молодежную песню, уговорила меня написать стихи. А потом среди белого дня просто втолкула молодого непьющего кривяковского учителя к уже маститому композитору. Я прочел ему наспех написанные строки:

Над Двиной похмывают закаты,
Им рассветы навстречу встанут,
Словно юности нашей крылатой
Отдают комсомольский салют...

В полутемном номере гостиницы "Советская" он глянул на

мой листок, прочел по диагонали и стал что-то говорить, объяснять, как пишется песня. Помню, что рассказал он мне тогда о своей песне "Вернулся я на Родину".

Через много лет он вспоминал: "Возвращаясь к своей юности, я тогда вспоминаю и песню, написанную мною о родном городе Витебске в 1946 году... Город лежал в развалах. Не было целых улиц, целых районов. Ни кто из родовых не ждал меня в Витебске - погибли в войну, в немецкой оккупации... Немцы не успели разрушить только центральную площадь города - так сказать, его визитную карточку (она сохранена и сейчас в заново отстроенном городе). Неподоумо от нее издана стояла каланча с часами, - там давно уже был городской исторический музей. И площадь, и каланча, они знакомы многим, в том числе и тем, кто никогда не был в Витебске, по картинам Марка Шагала. Кстати, наш город издавна славился своими культурными традициями: живописцами, театральными, литературными... Города бывают разные. Большие и красивые. Более скромные. Но город юности всегда любил особой непреодолимой любовью. Поэтому повитна моя любовь к Витебску...Привыкшая, я не пишу песен для кого-то или для чего-то, короче - песен "по поводу". И "Вернулся я на Родину" - это, в общем-то, песня не только о Витебске. Но для меня лично она связана именно с этим городом..."

В начале июля 1972 года, задолго до юбилея Витебска, городком партии пригласил в город большую группу известных земляков - деятелей литературы и искусства. Приехал и Марк Фрадкин.

Во время репетиции большой телепередачи "Тут начинались дороги", которую я готовил, помню, переживая, что выступая последним (а его оставляли "на закуску"), что может не хватить

Марк Фрадкин и Давид Симанович.

Фото М. Шверинга.

времени. Все оказалось в порядке, времени хватало после того, как перекрыли какую-то московскую передачу. И он спел свои новые песни, среди них "Я сегодня до зари встану" из фильма "Минута молчания". И несколько раз спрашивал: "Как песня, земляки?"

В тот же день (1 июля) после аккурсий и поездки по Двине на теплоходе уже вечером в ресторане парка "Мазурини", поднимая тост за родной город, обещал, что к 1000-летию обязательно напишет песню о Витебске: "фактически я иду к ней очень давно, наверное, с того дня, когда написал на нотной бумаге первые свои строчки"...

А о своем начале он рассказывал не раз письменно и устно:

"В центре Витебска, рядом с каланчей, есть живописная Успенская горка. На горке в те далекие довоенные дни находился городской механический техникум. И как раз напротив - музыкальная школа. Родители хотели, чтобы я занимался музыкой: было ясно, что музыку я люблю и, хотя инструмента дома не было, научился, играя где попадало, подбирать разные мелодии на слух... Когда в городе организовался пионерский шумовой оркестр, я принял в нем самое активное участие, играя на эзотерических шумовых инстру-

ментах, выполняя роль ведущего концерта... Но поступил я в техникум и, закончив его, стал работать на крупном швейном предприятии "Знамя индустриализации", ведал там техникой безопасности... Но с шумовым оркестром, который в те дни уже перерос в пионерский театр, довольно широко известный в Белоруссии, я не расставался..."

До войны Марк Фрадкин закончил театральный институт в Ленинграде, работал в театре юного зрителя в Минске, параллельно занимаясь в консерватории.

А потом была война. И слава, которая заслуженно пришла к нашему земляку вместе с его песнями тех лет.

"По-моему, он вовсе не сочиняет музыку, - говорил Роберт Рождественский, - он просто открывает ее в каждом из нас. Мелодии нашего сердца вдруг обретают голос, обретают крылья. Но, даже залетев высоко в небо, даже опоясав земной шар, мелодии эти остаются нашими. Нашими до конца. А ведь это, поверьте, большое счастье и для мелодии, и для человека. Песни Марка Фрадкина становятся невероятно близкими человеку и популярными... Попробуйте представить себе советскую песню без "Песни о Днепре", "Случайного вальса", "Комсомольцев добровольцев", "Прощайте, голуби", "Уведу тебя я в тундру", "Течет Волга", "У деревни Крюково", "За того парня", "На тот большак, на перекресток"..."

В дни Всесоюзного фестиваля польской песни витебские строители вручили деятелям искусства символический ключ от Летнего Амфитеатра. Почетное право принять его было представлено Народному артисту СССР Марку Фрадкину. А на следующее утро на записи телепередачи он сказал:

"В моей песне "Столица областная" есть строчка "Не в гостях я здесь, а дома". Так вот поэт Е.Долматовский написал это про меня. С Витебском у меня давняя кровная, не прерываемая временем связь. Здесь я родился, сюда я часто приезжаю, о Витебске с гордостью и любовью рассказываю в других краях. Всякий раз, приезжая на родину, я бываю на Успенской горке. Здесь до войны стоял родильный дом, где появился на свет и я. Теперь на этом месте - музыкальное училище. Меня это особенно обрадовало - я увидел в этом добрый символ"...

Успенскую горку, Двину, родные улицы он видел всегда, где бы ни был, и память эту оставил в "Столице областной", передав свое волнение поэту, автору стихов, а нам всем подарив прекрасные песни, среди которых и эта о Витебске:

Не спеша идут по городу века.
А внизу течет зеленая река.
Выйдешь на берег - увидишь, как по ней
Уплывает в дальний путь
Кораблик юности моей.